

Научная жизнь

**ФЕНОМЕН ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СТАГНАЦИИ
И БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ**

А.И. Субботин
Педагогический институт
Южного федерального университета

Отчет о дискуссии в рамках 2-го тура второй летней школы «Политическая концептология: теоретико-методологические основания и институционально-символические аспекты социальных наук», 1-2.09.09, выставочный зал ДГПБ.

1. Организация и тема.

После перечисления ведущим, В.П. Макаренко, многочисленных отечественных и зарубежных заслуг и регалий гостя, Николая Сергеевича Розова, презентации его последних книг, дело, наконец, дошло и до доклада.

Заявленная в программе тема была изменена докладчиком, видимо, исходя из того факта, что его одноименная статья¹ была написана еще в 2006 году, опубликована в нескольких журналах и размещена на множестве сайтов. У интересующихся было время ознакомиться с материалом, а докладчик решил не пережевывать снова старую мочалку, но познакомить аудиторию со своими новыми идеями. Его цель, очевидно, вытекала из предположения, что поскольку обзор ситуации в теоретической социологии, сделанный участниками проекта «Мыслящая Россия», давно опубликован, известен и уже получил свои оценки (см. в Интернете отклики В. Данилова, Н. Просандеевой и др.), а присутствующие знакомы с его многочисленными статьями (на сайте www.nsu.ru), то нужно переходить от причитаний, обличений и доморощенных, никому не интересных, открытий (отраженных в книге «Мыслящая Россия») к анализу перспектив выхода теоретической социологии (прежде всего – в лице самих теоретических социологов) из надоевшего всем им кризиса (когда теоретические разработки пользуются вопиющей невостребованностью, а сами социологи вынуждены заниматься в период выборов к политикам ниже среднего ранга на должности мальчиков на побегушках). Тем более, что докладчик только что вернулся с V Философского конгресса в Новосибирске, где председательствовал на секции теоретической социологии, и был полон новых и свежих впечатлений.

Именно с обобщения-резюме этих впечатлений он и начал, перечислив «7 смешных грехов теоретизирующих философов», которые он наблюдал при выступлениях тамошних докладчиков, сразу заинтриговав аудиторию. Это: 1) *невнятность мысли*, 2) *соскальзывание*, т.е. хаотические переходы мысли, 3) *невежество*, когда не принимаются во внимание другие отечественные и зарубежные авторы, 4) *догматизм*, т.е. продолжение критики «буржуазных теорий», 5) *вымороченность*, т.е. отсутствие всякой связи с реальностью и результатами конкретных исследований, 6) *сервильность*, т.е. угождение начальству, 7) *легкий аутизм*, т.е. равнодушие к реальным проблемам и стремление строить «воздушные замки».

Введя, таким образом, совершенно новую для аудитории систему нормативов самооценки для присутствующих, более или менее теоретизирующих философов, социологов и политологов, и приведя их в состояние относительной заинтересованности (вытекающее из смутного ощущения собственной неполноценности, порожденного семью уколами потревоженной совести), докладчик перешел к основному содержанию, а именно – к презентации концепции «интеллектуальных сетей», изложенной в книге (переведенной им лично) Рэнделла Коллинза «Социология философии» (Сибирский хронограф, Новосибирск,

¹ «(Не)мыслящая Россия. Антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации»// Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований, № 1, 2009; politconcept.sfedu.ru

· Хотя, не исключено, наоборот, что у докладчика был сознательный расчет на более, чем обычное по России, незнание присутствующей ростовской (периферийной и отсталой по отношению как к Москве, так и к Новосибирску) философской публики (включая ведущего) с его статьями (т.к. он вел себя крайне сдержанно и не вступал ни в какие споры); его расчет, если он имел место, оправдался, почему – см. ниже.

2002, 1282 с.). Эту книгу, вместе с собственной (Н.С. Розов. Историческая макросоциология: методология и методы. Учебное пособие. Новосибирск, 2009), он предлагал желающим по себестоимости (по 1 р. за страницу). Некоторые купили.

Была представлена компьютерная презентация концепции «интеллектуальных сетей» Рэндела Коллинза: показаны основные контексты и в каждом перечислены основные принципы. Суть ее хорошо выражена в следующей цитате: «С одной стороны, везде с интеллектуалами происходит «одно и то же»: идет кристаллизация групп (фракций); мыслители и их группировки ищут и используют организационные основы, спорят между собой, что составляет основу интеллектуальных ритуалов с обменом культурным капиталом и эмоциональной энергией, формулируют интеллектуальные позиции, соперничают между собой за пространство внимания, делятся или объединяются, заимствуют и распространяют вовне свои идеи, комментируют классиков, переживают периоды расцвета творчества и времена идейного застоя, образуют соответствующие *интеллектуальные сети* (те самые связи личных знакомств между мыслителями), завоевывают долговременные интеллектуальные репутации при условии непрерывности спора во многих поколениях, достигают все более высоких уровней абстракции и рефлексии, развивая космологические, метафизические, эпистемологические и другие последовательности. С другой стороны, везде и во все времена это происходит по-разному: уникальность отнюдь не игнорируется, но Коллинз показывает, каким именно образом эти *неповторимые конфигурации* складываются из принципиально общего состава «ингредиентов» интеллектуального творчества. Данный *вызов нашим привычным установкам и ходам мысли* является лишь одним из множества, содержащихся в книге»² (курсив мой. – А.С.).

Реакция аудитории прошла, по мере изложения, ряд стадий: снисходительную, зарождения внимания, усиления внимания, первичной заинтересованности, первичного уяснения, первичной оценки, первичной озабоченности, первичной настороженности, первичного несогласия, первичного желания возразить (этот цикл далее повторялся). Докладчик был краток и покорила аудиторию своим любимым афоризмом, свидетельствующим о его пролетарском происхождении: «Для докладчика: рот закрыл – рабочее место убрано». Затем присутствующим предложили задать вопросы.

Заданные вопросы свидетельствовали о сильной заинтересованности аудитории, и больше в негативном плане (по старой русской традиции, к которой докладчик явно давно привык); спрашивали, 1) отражено ли в этой концепции понятия души (проф. Лешкевич Т.Г.); 2) насколько вообще данная концепция актуальна для России (проф. Швец Л.Г.); 3) распространяется ли эта концепция на филологию (проф. Чубарова В.Н.); 4) как соотносится эта концепция с тео-

² Розов Н. Глобальная рефлексия интеллектуального творчества в книге Р. Коллинза «Социология философий»/ www.gumer.info/bogoslov_Buks/Phi-los/Rozov/GlobRef.php.

рией М.К. Петрова (проф. Ерыгин А.Н.). Автор этих строк задал два вопроса: а) соотносится ли эта концепция с идеей особого национального пути России и роли в нем интеллигенции? б) Говорит ли она что-нибудь о социальной востребованности интеллектуального труда?

На эти вопросы было отвечено кратко: 1) что, по Канту, душа и Бог – не предметы научного исследования; 2) что это надо решать нам самим; 3) что, наверное, да, так как, например, два известных филолога – Желтовский и Щеглов – уехали в Америку и там процветают; 4) что, наверное, соотносится, но это надо выяснять. На мои вопросы было отвечено, что а) скорее всего, нет; б) безусловно, да.

Затем присутствующим было предоставлено право краткой реплики, и проф. Драч Г.В. выразил уверенность, что подобные контакты сыграют большую роль в знакомстве ростовской философской школы как с новосибирскими, так и с перспективными западными концепциями. Остальные реплики выглядели, как небольшой камнепад на участке бывшей Военно-Грузинской дороги, известном под названием «Пронеси, Господи!» (что, впрочем, ничуть не смутило докладчика, спокойно выслушавшего весь этот грохот).

Затем был содоклад ведущего, В.П. Макаренко, имевший существенно дополняющий характер, из которого следовало, что в современной России, с одной стороны, до сих пор имеет место «идеологическая эксплуатация интеллигенции», а с другой – у нее до сих пор наблюдаются «верноподданнические установки, препятствующие развитию». Поэтому для интеллигенции до сих пор свойственны явно не смешные грехи: 1) «заинтересованное лакейство», 2) «миф о посредничестве интеллигенции между властью и обществом», 3) «приверженность к негативной свободе, проявляющейся для развенчания советского образца науки». В результате «идея уроков истории потеряла смысл», а «культура – самооценность», при сохранении устаревшей «методы работы»: «разобрать на части». В качестве редкого примера преодоления этих недостатков содокладчик привел творчество Е. Гурко, которая написала книгу о Зильбермане, с восторгом принятую на Западе³.

Содокладчику был задан один вопрос (проф. Марченко Т.А.), – не является ли увлечение в России такими концепциями интеллектуальной модой?⁴ Вопрос,

³ Стоило заглянуть в Интернет, чтобы узнать, что предпоследняя книга Е. Гурко «Деконструкция: тексты и интерпретация. Деррида Ж. Оставь это имя (Постскрипtum), Как избежать разговора: денегации». Минск, 2001 (filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000215/) вызвала разноречивые отклики, в частности, такие (из рецензии С. Фокина): «Книга Е. Гурко – прекрасный образчик этого стремления связать свое имя с громким именем, как если бы отсутствие собственного имени могло быть восполнено присутствием чужого имени на обложке книге» (www.guelman.ru/slava/nrk/nrk8/27r.html). Последняя же книга Е. Гурко «Модальная методология Давида Зильбермана» (Минск: Экономпресс, 2007) явно должна расширить и дополнить контекст свободного построения концептов и обосновать его онтологически, опираясь на исследования Зильбермана.

⁴ Этот вопрос имел подтекст: еще 6-7.12.2007 в Ростове-на-Дону прошел международный симпозиум «Интеллектуально-политические моды: концептологический подход», по его материалам была опубликована статья Мамедова О.Ю. «Интеллектуально-политическая мода (конъюнктурная или актуальная переоценка ценностей)»/ Экономический вестник РГУ, 2007, том 5, № 4 (есть в Интернете), хорошо известная присутствующим, но явно неизвестная докладчику.

хотя и остался, фактически, без ответа, был встречен аудиторией сочувственно, что отразилось потом в выступлениях.

После перерыва (было выпито три кипятильника для кофе и чая с печеньем – хорошая традиция!) начались выступления. Проф. Ерыгин А.Н. долго и убедительно, с предъявлением документов⁵, доказывал, что концепция Коллинза не нова, что она подвергалась критике еще в 80-е, так, еще В.Н. Дубровин на Петровских чтениях 2003 года показал, что эта концепция весьма поверхностна и по своему содержанию и смыслу значительно уступает поликонтекстуальной теории культуры М.К. Петрова. Затем он сказал много горьких слов о незаслуженной и неоправданной неизвестности идей Петрова не только в Америке, но и в России. Между тем, как Петров еще в своих лекциях 60-х годов создал концепцию «европейского способа мышления» как, собственно, научного, чтобы затем, на богатейшем материале, в рамках поликонтекстуального подхода, показать его кризис. Его поддержала проф. Марченко Т.А., а Н.С. Розов отреагировал в том смысле, что подобный местнопатриотический порыв следует поддержать и организовать, очевидно, имея в виду, что если идеи Петрова хорошо «пропиарить», то совсем не исключено, что ими заинтересуются в Америке, а местное философское сообщество сможет, встав на его плечи, зацепиться за мировую философскую интеллектуальную сеть.

Это дало повод проф. Лешкевич Т.Г. попытаться подвести концепцию Коллинза под понятие «пошлость»; вновь всплыло понятие «мода»; докладчик пожелал услышать определения этих понятий, что вызвало, наконец, оживленный обмен мнениями, не приведший, однако, к согласию. До скандала дело не дошло, хотя некоторые и пытались его спровоцировать; так, докладчику был задан провокационный вопрос, одинаковы или различны социальные проблемы в Америке и в России? Когда он ответил, что, конечно, различны, последовал вопрос о смысле использования в России концепций, порожденных в Америке и для Америки. На это внятного ответа дано не было, как и на вопрос, зачем мы все, российские интеллигенты, социологи, политологи, философы (включая М.К. Петрова) сдались американцам, так как их интерес к России, включая российскую науку, явно шкурный (т.е. в лучшем случае – купля-продажа по предельно заниженным ценам, а в худшем – откровенное воровство). Очевидно, Н.С. Розов считал, что уместный ответ должен даваться теми, кого это касается (т.е. теми, кто считает, что это его касается, например, Г. Дерлугьяном), и не словами, а делами.

В заключение первого дня ведущий выразил удовлетворение имевшей место полноценной дискуссией и надежду на прогресс в развитии философских идей как здесь, в Ростове, так и вообще.

---

⁵ См.: Ерыгин А.Н. Завещание философа (памяти В.Н. Дубровина)/ Философское и культурологическое исследование: феномен восточнохристианской цивилизации. Вып. 15. EN ARHE: изд. ЮФУ, Ростов н/Д, 2006. Эту книгу А.Н. Ерыгин торжественно подарил докладчику.

Второй день был посвящен политическим вопросам; доклады Н.С. Розова и В.П. Макаренко опирались на их ранее опубликованные статьи⁶. Вывод из статьи Н.С. Розова, важный для данной дискуссии, выглядит как призыв к интеллектуально-социальной революции: «Переход к *честной игре* в российской политике, соответствующее избавление от страхов и оживление самоорганизации — дело не только трудное, но и затяжное. Элите развития предстоит сыграть в этом судьбоносном переходе главную роль, именно представители данных кругов, которые сейчас атомизированы и запуганы, обладают вместе, солидарно, немалым потенциалом и энергией обновления. Вот мы и подошли к раскрытию роли интеллигенции, которую определим грубо, но операционально, — все лица с высшим образованием, которые по своему роду деятельности *пишут и/или говорят*, т.е. формируют общественный дискурс. Интеллигенция в таком понимании не только существенно пересекается с элитой развития (по М. Афанасьеву), но также *может и должна служить ее голосом*. Сформулируем принцип опять же в марксистских терминах: *роль интеллигенции в том, чтобы элита развития превратилась из «класса-в-себе» в «класс-для-себя»* (т.е. обрела собственную идентичность — сознание своих интересов и своей общественной роли)».

В.П. Макаренко, подробно описав и разоблачив в своей статье многие интеллектуально-политические моды, заключает «банальностью: все указанные интеллектуально-политические моды скрывают влияние дипломатических, военных и разведывательных агентств на реальную политику и процессы производства идей. Отсюда вытекают вопросы, почти не осознанные отечественным научным сообществом: следует ли считать такое влияние нормой или аномией (в смысле Э.Дюркгейма) или аномалией (в смысле Д. Норта)? свободны или не свободны люди, которые подчиняются данным модам и бездумно (иные — вполне осознанно) строгают историософские, геополитические и культурно-цивилизационные тексты? можно ли идти против течения в мире интеллектуально-политических мод или лучше уподобляться «ученому из Баку» в московской или ростовской разновидности?..»

Тем самым, прозвучал внятный призыв к интеллигенции Ростова идеологически объединиться, чтобы действовать. Но интеллигенция, не желая в данном случае изменять старой народной привычке, выработанной за сотни лет, безмолвствовала.

Заключительное выступление автора этих строк было слишком кратким, чтобы его здесь воспроизводить; ответственное отношение к данному отчету, к докладчику и к самому факту его участия в этой дискуссии заставило меня углубиться в научное творчество Н.С. Розова, хорошо представленное на сайте nsu.ru; открывшаяся мне картина заставила меня во многом изменить свое мне-

⁶ См.: Розов Н.С. Кризис и ближайшие развилки российской политики: альтернативная повестка дня/<http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/rozov-strate-gy.htm>; Макаренко В.П. Научно-обывательское знание — интеллектуально-политические моды?//Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований, № 2, 2009; politconcept.sfedu.ru.

ние из-за существенного расширения информационного поля* (см. Отдельный комментарий).

По окончании дискуссии докладчик, некоторые аспиранты и студенты отправились в «Лиманчик» (лагерь отдыха РГУ в Абрау-Дюрсо, Новороссийск), чтобы достойно завершить «летнюю школу» и окончательно, практически, с использованием надежных, неэлектронных технических средств, на которые издавна богат сей лагерь, решить все теоретические затруднения, связанные с самоопределением современной российской социологии, философии, да и политики. Не исключено, что вследствие этого возникнет, наконец, устойчивая связь, включающая ростовское философское сообщество в мировую интеллектуальную сеть с центром – где? В Америке, Новосибирске, Ростове или в «Лиманчике»? Этот вопрос требует дополнительного углубленного исследования, так как все эти географические точки имеют на то свои основания. Ведь если не заикливаться на образе сети, как паутине, в центре которой сидит паук, а взглянуть на нее, как на функциональную систему (в духе Анохина), в которой центр (целевой фокус) может изменять свое положение в зависимости от ситуации, то в этом, похоже, что-то есть. Но для этого нужна и новая сеть мировых взаимоотношений, не сводящаяся к рыночной, а включающая ее как средство.

Отдельный комментарий.

К проблеме выхода российской философии, социологии и политологии из интеллектуального ступора: позиционный анализ.

Бросается в глаза, что теория интеллектуальных сетей Коллинза, которую представил Н.С. Розов, по своему содержанию очень похожа на обобщение схемы сетевого маркетинга и иных форм сетевой социальной организации – пирамид, тоталитарных сект, международных монашеских орденов, мировой преступной сети и т.п. Применение такой схемы к анализу отношений в обществе в целом, очевидно, представляет интерес в обществе с рыночной культурой, но у нас, где рынок еще не стал культурной нормой, это вызывает, по меньшей мере, недоверие, что и проявилось на обсуждении, поскольку научное содержание этой теории – минимальное. Ведь эта схема ничего не объясняет в научном плане, т.е. не отвечает ни на один вопрос типа «Почему в обществе что-то происходит?» С другой стороны, она явно отвечает на другой неявный вопрос, обращаемый к некоему философу, социологу, политологу: «Почему ты такой неудачник: мало зарабатываешь, никому не известен и никому не нужен?» От-

---

** Только после этого мне стало понятно необычное спокойствие Н.С. Розова на этой дискуссии: для его уровня мы – всего лишь *такие* философы, социологи, политологи; он приехал к нам не для того, чтобы просвещать, а чтобы посмотреть, что мы можем ему предложить взамен его идей, поучаствовать в разговорном «интерактивном ритуале». Но мне страшно подумать, что было бы, если бы на обсуждение была выставлена, например, его статья «Социологическая «отмена философии», которую участники (и даже ведущий), конечно, не читали, как и предшествующие ей публикации. Тогда состоялся бы уже не разговорный ритуал. Видимо, Н.С. Розов предвидел такой поворот событий. Обмен товарами не состоялся. Но студенты явно заинтересовались.

вет подразумевается простой: «Потому что ты (медведь берложий, пассивный, тупой, блохи заели, лень почесаться и т.д.) не подключился к мировой интеллектуальной сети»⁷.

В своей статье⁸ Н.С. Розов прямо пишет: «Когда «Социология философий» Рэндалла Коллинза будет по-настоящему освоена интеллектуальным сообществом, что-то очень существенное изменится в характере философского мышления. Произойдет своего рода социологическое взросление философов и философии, так что прежние способы интеллектуального поведения покажутся новым поколениям если не наивными, то, по крайней мере, принадлежащими уже прошедшей — «социологически дорефлексивной» эпохе».

Тем самым, В.Н. Розов предстал в Ростове в виде некоего вербовщика нашей философской молодежи (на стариков он в этом плане не надеется) активнее подключаться к «мировой интеллектуальной сети», т.е. входить в отношения ученичества с зарубежными учеными, чтобы цитировать, развивать и применять (как? где?) их теории, получать от них признание (которое мгновенно должно невероятно поднять их авторитет в тех кругах России, которые поклоняются Западу), заводить собственных учеников и т.д. Практически это сделать просто: надо больше подавать заявок на иностранные гранты: они и дадут всё — и деньги, на которые так скупое для науки наше государство, и мировое признание, которого в России не добудешь. Самый легкий путь — начать пропагандировать именно теорию Коллинза, и сеть превращается в пирамиду, замкнутую на самовоспроизводство.

А в статье⁹ Н.С. Розов, предлагая выход («саморазвитие через идейный экспорт»), пишет: «Нравится нам или нет, но геокультурные зоны интеллектуального престижа лежат вовне России — на Западе (сноска: «Модель Коллинза использовал Г. Дерлугьян для объяснения неэквивалентного интеллектуального обмена между США и Россией»). С этой реальностью приходится считаться, более того, нужно знание данного факта использовать. Важное следствие: российские исследователи и исследования получают наибольший престиж на родине, будучи признаны на Западе. Прорвать антитеоретический консенсус нельзя методологической полемикой, но можно — высоким престижем теоретических работ. Чтобы такие работы были поняты и признаны на Западе, они должны трактовать (развивать, обогащать, либо опровергать) признанные и наиболее активно обсуждаемые западные же теории и модели... Далее «дело за малым»: начать и кончить теоретико-эмпирическое исследование, в результатах которого должны содержаться сильные и подкрепленные данными утверждения относительно известных в соответствующей западной науке теорий и моделей, за-

⁷ Эта схема напоминает рекламный слоган Энди Таккера: «Почему ты болен? — Потому, что ты не купил патентованное средство доктора Воф-Ху от всех болезней».

⁸ Розов Н. Глобальная рефлексия интеллектуального творчества в книге Р. Коллинза «Социология философий»/ www.gumer.info/bogoslov_Buks/Phi-los/Rozov/GlobRef.php.

⁹ «(Не)мыслящая Россия. Антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации»// Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований, № 1, 2009; politconcept.sfedu.ru.

тем приложить большие усилия для публикации результатов в наиболее авторитетных отечественных и, главное, западных журналах, добиваться включения своих идей и результатов в западные дискуссии, после этого — пропагандировать и расширять такого рода исследования в России, привлекать молодежь».

Яснее не скажешь. Но лично у меня возникает такой вопрос: какое отношение имеют все предлагаемые усилия для решения социальных и иных проблем *России*? Н.С. Розов уже ответил на этот вопрос: никакого. Это — сложившаяся позиция. Но именно с этого вопроса, по-моему, и должно *начинаться* самоопределение молодого социолога, политолога, философа. А дальше — дело совести каждого: оставаться русским или становиться «космополитом». Ведь русский вроде бы имеет больше оснований помочь России по самому факту своего национального самоопределения, а космополит — еще неизвестно, чем, как и при каких условиях. Тот, кто уехал работать в Америку, работает *на* Америку. Многие в России тоже работают на Америку, не сознавая того. А мы в России решаем вопрос: что значит «работать на *Россию*?» Ведь российские проблемы не решит никто в мире, кроме россиян. Это факт. А чтобы их решить, нужна самостоятельность во всех отношениях.

Но политико-мировоззренческий взгляд далеко не достаточен, чтобы оценить потенциал теории Коллинза. Важен и теоретический анализ. В статье² Н.С. Розов отмечает, что в теории Коллинза «важно само выделение Коллинзом такой реальности как пространство интеллектуального внимания, в котором появляются и борются между собой идейные позиции. Философская книга теперь выступает не как «самореализация» личности автора и не как «отражение» конкретно-исторического контекста, а как своего рода шахматный ход в борьбе мыслителей за интеллектуальное внимание в конкретной расстановке соперничающих идейных позиций». В самом деле, если к философам никто не прислушивается, то почему бы не поиграть в философских гладиаторов. Это должно привлечь публику. А когда сформируется индустрия таких боев, так что можно уже будет организовывать договорные бои (как матчи в футболе), то тут и хорошо зарабатывать можно.

Но самое интересное в этой статье — взгляд на практические возможности и перспективы, раскрываемые книгой Коллинза. Н.С. Розов пишет: «Можно ли считать, что книга Коллинза откроет новые познавательные пространства, и предполагать существенную последующую смену траекторий научного и философского мышления? Что касается истории и исторической социологии мышления, то сомнений в этом не возникает. После освоения «Социологии философий» нынешним и следующим поколением полноценная работа в области истории идей будет с необходимостью предполагать учет сетевых факторов, анализ хода борьбы отдельных мыслителей и групп за пространство внимания, изучение специфики и закономерностей влияния разных организационных основ на соответствующие перегруппировки интеллектуальных фракций, исследование закономерностей расцвета и стагнации, идейных заимствований и «идейного

экспорта», рассмотрение контекста включенности в долговременные интеллектуальные последовательности. Здесь вполне резонно ожидать резкий поворот интереса исследователей от «личной биографии» мыслителя и «исторического контекста» к сетям, сообществам, структурам пространства внимания, смещению его фокусировки, ритуалам, идеям и доктринам как символам группового членства, системам покровительства, влиянию политических и экономических событий на системы поддержки интеллектуальной жизни (нечто подобное уже произошло в литературоведении в смещении внимания от отдельного текста к интертекстуальным связям, в миросистемном подходе к антропологии и т.д.)».

Трудно отделаться от мысли, что здесь изложен проект будущей мировой цеховой организации историков-социологов-политологов. В этом нет ничего плохого, наоборот, можно только порадоваться за историков-социологов, активно взявшихся, наконец, за решение проблем своей профессионально-экономической самоорганизации. Похоже, мы действительно вошли в эпоху нового средневековья. Всем остальным, наверное, нужно делать то же, а не задаваться глупыми, никому не нужными, вопросами типа «А в чем смысл бытия?», «А в чем смысл жизни?», «А что же будет дальше с человечеством?» Гораздо выгоднее подсчитывать, сколько людей в мире задается подобными вопросами и как их понимает, чтобы, исходя из этой информации, влиять на интеллектуальную моду и формировать структуру спроса на интеллектуальные продукты для философов – производителей ответов на такие вопросы, ведь дать на них ответ может любой колдун, гадалка, астролог, мошенник с психологическим образованием. В этом свете шесть сценариев¹⁰ Н.С. Розова, описывающих возможные реакции научной общественности на книгу Коллинза, выглядят естественным описанием внутрицеховой борьбы за клиента. Что же касается седьмого сценария, то непонятно, к кому автор его относит: кто будет выискивать «на что он (Коллинз. – А.С.) замахнулся, на что указал, о чем намекнул, что можно у него вычитать, но решения чего в книге нет». Ведь Коллинз сам указывает на сферу «глубоких философских затруднений», но непонятно, какое отношение имеет к ним его теория, которая не является ни объяснительной, ни предсказательной, а только описательной. Или речь идет о проблемах адекватного описания?

И далее Н.С. Розов, с выставленной напоказ самокритичностью, за которой скрывается глубокий сарказм, пишет: «При всей законной гордости в достоинствах философской рефлексии, нам, философам, полезно признать, что весьма основательную рефлексии над процессами и закономерностями философского творчества на этот раз совершил отнюдь не философ, а исторический социолог». Что ж, это хорошо, что хоть для кого-то философы станут предметом социального исследования, и нам скажут, что мы делаем не так, чтобы жить хорошо. Правда, уже лет триста это делают с интеллигенцией вообще, а толку

¹⁰ Н.С. Розов часто использует этот псевдологический прием: описать все, на его взгляд, возможные варианты позиций, решений, оценок, интерпретаций и т.п., чтобы альтернативы однозначного, выгодного ему, выбора были очевидны.

пока никакого. Ведь «в книге Коллинза представлена именно социологическая рефлексия, что оставляет обширное поле возможностей для философской трактовки нового ценнейшего материала». Это-таки да. Вот так выглядит сотрудничество философов и социологов: первые будут рекламировать идеи вторых на личном примере.

Для философов, безусловно, «особенно перспективными представляются проблемы онтологического статуса выделенных Коллинзом реальностей, таких как: «пространство интеллектуального внимания», «культурный капитал», «эмоциональная энергия», «иерархия уровней абстракции-рефлексии» и т.д. Также намечается новый виток развития проблематики, связанной с социальной обусловленностью познания вообще и философского познания, в особенности, но теперь уже не в примитивных схемах «социального заказа» или «отражения социального бытия», а при посредстве новых рафинированных моделей макро-, мезо- и микросоциального обусловливания философского творчества. Назовем эту первую выделенную проблемную область философским осмыслением социальной и макроисторической динамики интеллектуального творчества». Конечно, определение всех вышеприведенных понятий, скорее всего, относится к сфере «глубоких философских затруднений», но можно ведь обойтись и без определений, особенно в сфере «новых рафинированных моделей макро-, мезо- и микросоциального обусловливания философского творчества», где – для успешного пиара – вполне достаточно звонких и прикоывающих внимание дилетантов терминов, – это же уровень «глобального заказа».

Это верно, что «сам принцип соотнесения сегодняшней работы отдельного философа с накопленным идейным арсеналом и движением мировой философской мысли становится проблемой». Но не только с этим. Стоит сказать больше – с возможностью определения смысла жизни. И здесь мы снова приходим к границе личного сознания – к совести. Решать эту проблему для сороконожки, привыкшей быстро бегать, равносильно смерти. Поэтому проще всего сказать, что эта проблема неразрешима, а раз так, то и вся философия повисает в воздухе – у нее нет критерия знания, а мнения могут быть о чем угодно, а социальный успех мнения опирается на совсем другие факторы. Об этом давно сказал Фейрабенд: если критерия истины нет, то можно пользоваться чем угодно, лишь бы тебе поверили. Здесь вспоминается Достоевский, считавший, что неверие в Бога сразу порождает всеобщий разбой. Наше же время – это время всего лишь всеобщего мошенничества. Но нормальная ли это жизнь? Кажется, еще немного – и мы все подадимся в экзистенциалисты.

Заключительный тезис этой статьи: «Так или иначе, наибольшую пользу философы и философия извлекут из книги Коллинза, если воспримут ее как серьезнейший вызов, ставящий под сомнение всю эту почтенную традицию».

В следующей статье¹¹ Н.С. Розов начинает говорить всерьез, доказывая на историко-философских фактах полную бесполезность философии вообще, исходя из того, что философы всегда спорили между собой, чья философия вернее, не имея и не вырабатывая для этого никаких научных оснований. Отказываясь от коллинзовской дипломатичности, он прямо и резко формулирует свой тезис: *«Ни знаний, ни открытий в философии нет; в ней накапливаются только мнения, соответственно, в философии нет и поступательного познавательного продвижения»* (имеются в виду знания и открытия, отвечающие критериям научности, которые формулируются тут же). Н.С. Розов считает, что такие критерии вполне можно применить и к философии, исходя из ее «сущностных черт — ее претензий на трактовку предельных оснований любых суждений и целостное осмысление мироздания», потому что философию он определяет, как *«мышление, направленное на предельное обоснование любых суждений и построение целостного осмысленного образа окружающего мира и места в нем разумных существ»*. Правда, он видит «внутреннюю противоречивость и определенную безнадежность в самом этом «проекте»», но продолжает анализировать и критиковать его, со всеми вытекающими далее из этого последствиями для философии.

Для этого он берет себе в помощь некоего С. Фукса, который «оказывается гораздо более последовательным (и, увы, — циничным) социологом», чем Коллинз (и, видимо, даже сам Н.С. Розов). Этот Фукс «долбает социологическим молотом» по философии; он «ставит под сомнение само различие между теоретическим уровнем и уровнем наблюдения. Эта граница также оказывается переменной, она относится не к основаниям, которые могла бы выявить философия науки, а лишь к меняющимся результатам развивающихся частных наук. Социолог Фукс не отказывает себе в удовольствии откровенного издевательства над философами науки и философами вообще. «Вместо того, что бы искать универсальные и логические «критерии», которые всегда будут отделять теорию от фактов, философам следовало бы проследить, как действительные продвижения в технологии постоянно сдвигают линии между реализмом и позитивизмом. Конечно же, для этого философы сперва должны прекратить заниматься философией» (это уже цитата из Фукса. – А.С.). Суть такого мнения – в разделении подлинных (теоретических) и неподлинных проблем: философия не решает подлинных проблем. Такие известные «философские проблемы», которые веками считались неразрешимыми, как «смысл истории, как и свобода воли, не постижимы в научном исследовании, соответственно данные понятия являются бесполезными для познания, а соответствующие философские

¹¹ См.: Розов Н.С. Социологическая «отмена философии» – вызов, заслуживающий размышления и ответа // Вопросы философии, № 3, 2008; <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/otmena.htm>. До ознакомления с этой статьей я считал, что позиция Н.С. Розова – некая случайная аномалия; после ознакомления я понял, что у него уже имеется концепция, которая целенаправленно им развивается: любые сомнительные моменты в каждой предыдущей статье становятся предметом специальной разработки и обоснования в последующей; это говорит о развитой теоретической рефлексии автора. В результате его концепция медленно, но верно, приобретает качество фундаментальности. Вот только о чем она?

проблемы — не разрешимыми в принципе, но не потому, что они особо глубоки, а потому что они являются псевдопроблемами, которые просто не надо ставить» (это тоже мнение Фукса. — А.С.). Но Н.С. Розов не так доверчив, чтобы верить ему на слово: «Философский подход обнаруживает свою силу, поскольку сосредотачивается на основаниях, выявляет скрытые и умалчиваемые основания и систематически работает с ними. Действительно, надо или нет ставить те или иные проблемы — зависит от точки зрения, прежде всего — от принимаемых ценностей. Пусть какие-либо проблемы не решаются научным подходом, но их не надо ставить только при условии принятия весьма ограниченной — *сугубо сциентистской* системы ценностей».

Отсюда вытекают сразу две темы, которые Н.В. Розин далее разрабатывает отдельно: 1) вопрос о фундаменте (социологическом) философских проблем и 2) такой же вопрос о ценностях.

Что такое (великая философская) проблема? Это то, что обсуждается в профессиональных (философских) кругах долгое время (может быть, сотни или тысячи лет), как, например, скандал в королевской семье долго обсуждается в аристократических кругах и в прессе. Это то, что надежно привлекает внимание заинтересованной публики, готовой покупать сведения и версии (независимо от их истинности и обоснованности); как пишет сам Н.С. Розов: «Итак, что же делает философскую проблему великой? Сформулируем тот же вопрос более точно: какие причинные факторы, в какой взаимосвязи между собой и каким образом обуславливают высокую долговременную значимость философских проблем?» Следы этого обсуждения, как и ментальные связи между участниками (философами), можно легко отследить в публикациях по ссылкам. Предмет социологического исследования налицо. Его существование можно доказать, исследуя его (философии) историю, что и делает Коллинз в своей книге. Это сети взаимных цитирований, заимствований, сформировавшиеся в (философские) школы и выполнявшие в то время, скорее, функцию взаимной внутрипрофессиональной морально-интеллектуальной поддержки. В XX-XXI веке эти средневековые цехи обречены на экономическое вымирание: законы мирового рынка требуют новых подходов и организации профессиональной деятельности.

Что нужно продавать на рынке? То, что покупается. А что продолжает продавать наша философия? Никому не нужное старье. Поэтому философия «непременно потеряет свои еще пока сильные позиции в учебных программах, в популярности среди студенчества, в доле грантовой поддержки исследований. Ее роль в лучшем случае будет походить на нынешнее незавидное положение греко-римской классической филологии, а в худшем — на старую громоздкую пыльную пальму, оставшуюся в доме от прежних владельцев, которая точно,

что никому не нужна и место зря занимает, но выкинуть как-то рука не поднимается»¹².

Но является ли такое неуважение к философии случайным? Почему ее перестают считать ценностью? На это Н.С. Розов выдвигает свою концепцию ценностей¹³: «Под *ценностями* здесь понимаются предельные нормативные основания актов сознания и поведения разумных существ» (описание предмета), которые «имеют статус *культурных образцов*» (субстанциально-инвариантная сущность предмета); «Основная масса ценностей — *этические ценности*, т.е. принадлежащие тому или иному этосу» (содержание предмета) и «*Общезначимые ценности — это понятийное выражение главных условий, выполнение которых необходимо для сохранения возможности всех людей (индивидов, групп, сообществ) осуществлять свои этические ценности*» (предельное обобщение предмета). Далее легко уже ввести понятие суперценности на примере «смысла истории»: «Загадка смысла истории, таким образом, раскрывается как проблема выявления механизмов *превращения этического в общезначимое*». Готов ценностный критерий для любой деятельности, например, философского исследования. Он же – критерий прогрессивности, осознание которого философами – единственный залог их выживания. Законы истории – вещь объективная, переть против них – значит погибнуть; лучше сесть на них верхом (если удастся) и ехать без хлопот в светлое будущее. А опоздавших не ждут.

После этого, видимо, можно уже без обиняков, прямо и откровенно предложить умирающей в России философии способ выжить в этом кризисном мире. Что делать? Надо: «**Поддержать движение за многополюсное партнерство и устойчивое развитие**. Главная надежда и вероятный будущий козырь философии – подъем Мегатенденции III: переориентация экономического развития, направленности на многополюсный мировой порядок, мультикультурализм и устойчивое развитие»¹⁴. И далее Н.С. Розов воспроизводит бодрый призыв В.С. Степина и В.С. Толстых: «От глобального рассмотрения кризисных проблем необходимо перейти к парадигмальной критике (аналитике) мировых цивилизаций, их исторически сложившихся оснований. Если мировая цивилизация на гребне своих высших достижений подошла к осознанию того, что никакого гарантированного будущего нет, что, напротив, возникла реальная угроза прекращения, обрыва ("конца") истории, то, используя известный оборот "сам Бог велел", его представителям на Земле нужно задуматься о том, почему такое событие и финал стали возможными». Если философии удастся на этой основе представить целостный, понятный и широкой общественности и влиятельным группам мировой элиты образ настоящего и направление глобальной переориентации развития человеческого рода, то рядом с таким эпохальным ре-

¹² См.: Розов Н.С. Философия и теория истории. Книга 1. Прологомены. М., Логос. 2002, раздел 7.1.10. «Что ожидает философию?»/ hpsy.ru/link/400.

¹³ См.: Розов Н.С. *Общезначимые ценности и смысл истории*/ <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/>.

¹⁴ См.: Розов Н.С. Философия и теория истории. Книга 1. Прологомены. М., Логос. 2002, раздел 7.1.10. «Что ожидает философию?»/ hpsy.ru/link/400.

зультатом последующее повышение статуса и возврат ведущей роли философии, ее рецентрация будут просто частным побочным следствием».

Но тут возникает вопрос, о какой философии идет речь? Этой темой теперь занимаются все, кому не лень. Об американской? Или о российской? Н.С. Розин это чувствует и сразу же за этим пишет: «**Российская философия за общенациональную консолидацию.** В России и для российской философии встает та же задача. Вместо прислуживания западничеству или изоляционизму необходимо найти идейные основы для социального компромисса и широкого социального партнерства. Необходима общенациональная консолидация, но не в попытке имитации Запада (все равно не получится) и не в новом горделивом отгораживании (во-первых, не получится, во-вторых, отбросит страну далеко назад), а в согласии относительно комплекса главных национальных стратегий для выживания, успешного соперничества и победы в жестких условиях открытости ветрам геэкономики, геополитики и геокультуры. Groш цена нашей российской философии, если она не сделает достойного вклада в идейное обеспечение такой консолидации». Вот это лозунг! Таких не было со времен большевиков! И всего-то делов: тяп-ляп «найти основы для социального компромисса и широкого социального партнерства» (мы их до сих пор никак не можем найти, видно, хорошо спрятаны), установить социальное «согласие» в деле «выживания, успешного соперничества (с кем? – А.С.) и победы (над кем? – А.С.) в жестких условиях...» И грош нам цена, если мы не победим!¹⁵

Но сможет тот, кто может, и нечего оглядываться на тех, кто не может. Далее идут конкретные деловые рекомендации для тех, кто может: «**К грантовой поддержке мультидисциплинарных проектов.** Этот сюжет сразу подсказывает оптимальную линию поведения в обещающей обострение ситуации конкуренции в университетской среде, куда перемещается центр тяжести исследовательской работы». Суть – в объединении, с помощью грантов, исследователей из самых разных дисциплин, а «необходимость онтологической, концептуальной, методологической согласованности между столь разными областями науки всегда будет обеспечивать запрос к философским разработкам». Тут сразу вспоминается Г.П. Щедровицкий с его идеей «синтеза наук»¹⁶. У него это не вышло «мытьем», может быть, теперь у Н.С. Розова получится «катаньем». Но даже это будет ох, как непросто! Ведь много десятилетий ситуация в нашей науке определяется межпрофессиональной (междисциплинарной) разобщенностью, чтобы не сказать – ненавистью. Другая блестящая перспектива: «Философы, которым сегодня нельзя не задумываться о вероятном глобальном и нацио-

¹⁵ Здесь описываемая ситуация живо напомнила мне эпизод из повести М.А. Булгакова «Белая гвардия»: «Немцы побеждены, - сказали гады. – Мы побеждены, - сказали умные гады. То же самое поняли и горожане... Значит, значит – одним бежать, а другим встречать новых, удивительных, незваных гостей в Городе. И, стало быть, кому-то придется умирать. Те, кто бегут, умирать не будут, кто же будет умирать?» Но это ведь не социологический вопрос. В социологии спрашивают: «Сколько?»

¹⁶ Щедровицкий Г.П. Синтез знаний. Проблемы и методы/На пути к теории научного знания. М., 1984; переиздано: Г.П. Щедровицкий. Философия. Наука. Методология. М.: ШКП, 1997; www.circle.ru/archive/gp84a1.html.

нальном будущем, вполне могут взять на себя роль соединителей интересов социальных практиков с научными социально-историческими исследованиями», т.е. грантодателей с грантополучателями. А дальше начнется «автокаталитический эффект», который сформирует «новое пространство глобального интеллекта». Правда, между делом, придется еще научить этого монструозного младенца – «глобальный интеллект», не гадить в мировые пленки...

Дальше: надо широко развернуть макросоциологические исследования всего, на манер Ф. Броделя, переводить зарубежные книги и статьи, что будет полезно «нашим историкам, социологам, политологам, культурологам». А философы смогут «быть инициаторами составления заявок комплексных исследований для получения грантов, организовывать коммуникативные сети между исследовательскими центрами и дисциплинами, становиться в центре этих сетей и предлагать общие интеллектуальные основы для научной коммуникации». Как это заманчиво! Да что-то верится с трудом. Кто же это из историков, социологов, политологов, культурологов пригласит *философа* для такой работы? Ведь это означало бы сразу признать собственную неспособность это сделать. И делиться деньгами? Еще чего! А если сам философ проявит такую инициативу, то с ним будет то же, что с Г.П. Щедровицким.

И завершает статью блестящая рыночная идея, по сути, «ноу-хау» Н.С. Розова: идея социологически-исторически-политологически-культурологически-философского товара, пользующегося неизменным спросом для всех времен и народов: сценарии «будущего на основе явно заданных предпосылок. Практика показывает, что именно сценарии являются главной приманкой и для широкой публики, и для практиков, и для коллег-критиков». Вообще-то, при этом явно придется вступить в конкуренцию со многими другими предсказателями из сферы религии, магии, астрологии, лженауки и др., и совсем не очевидно, что они будут побеждены. Но если это произойдет, то дальше – дух захватывает: освоив эту практику, новая философия сможет «играть одну из ведущих ролей в развитии глобального интеллекта как широкой сети мультидисциплинарных исследований, использующих современные компьютерные технологии, с ориентацией на воссоздание "невидимых колледжей" и научных школ с автокаталитическим эффектом, основанных на грантовом финансировании и прямо связанных с социальной практикой» и тем самым, осуществить «Вторую философскую трансформацию». Великую.

Пора подводить итоги. Чего хочет Н.С. Розов? Что он делает? Почему? Кто же он, наконец?

Чтобы понять человека, надо разобраться в его самоопределении. Написанного выше, в общем, интуитивно, достаточно. Но принцип систематичности анализа требует четкости. Понять самоопределение Н.С. Розова напрямую невозможно (да и не нужно); нам достаточно выяснить, какое самоопределение он предлагает принять или отвергнуть другим. В его статьях бросаются в глаза три

формы самоопределения, соответственно, в моральном, антропологическом и духовном контекстах, свое отношение к которым он высказывает прямо. Это «человек-гражданин», «человек-ин-дивид» и «человек-трансцензус» (терминология моя. – А.С.).

1. Человек = гражданин. То, что Н.С. Розов социолог, а не философ, бросается в глаза любому философу, хотя он часто повторяет: «Мы, философы...». В этом убеждает его желание реформировать философию, сделать ее, наконец, «полезной обществу». Этот оборот для него значит: сделать философию (а заодно и социологию, культурологию, политологию, историю и т.д.) профессиями, приносящими тем, кто ими занимается, доход, престиж и мировую известность. Предлагаемые им способы достижения этого – чисто рыночные и откровенно манипулятивные, в мировом масштабе. Есть ведь прецеденты – институт Гэллопа в США, Левада-Центр у нас и т.п. Но Н.С. Розов хочет разрушить такие инертные структуры с помощью сетевого принципа организации. Видимо, для любой профессии такое предложение является супервыгодным. Потенциал развития сетей велик; их кризис наступит, только когда они охватят весь мир, всех и каждого, и во всех отношениях, – лет на 1000 хватит.

Но что может ответить на такое предложение современный, отдельный, рядовой философ-гражданин, бывший преподаватель диа- и истмата, с советским стажем работы? Для кого как, а мне приходит на ум диалог д'Артаньяна с кардиналом Ришелье из «Трех мушкетеров»: когда Ришелье, убедившись в больших достоинствах д'Артаньяна, предложил ему перейти на службу к нему, тот отказался, ответив: «Все мои друзья находятся среди мушкетеров и гвардейцев короля, а враги, по какой-то непонятной роковой случайности, служат вашему высокопреосвященству, так что меня дурно приняли бы здесь и на меня дурно посмотрели бы там, если бы я принял ваше предложение, ваша светлость». И далее он предлагает кардиналу испытать его в деле защиты государственных интересов, по идее, находящихся выше различий «король-кардинал», – осады Ларошели: «Быть может, в будущем я приобрету право бескорыстно отдать вам себя, тогда как сейчас это будет иметь такой вид, будто я продался вам», на что Ришелье ему отвечает: «Молодой человек, если мне представится возможность сказать вам еще раз то, что я сказал сегодня, обещаю вам сказать это». Д'Артаньян ужаснулся на эти слова, но не изменил своего решения.

Для молодых, не читавших «Трех мушкетеров», есть повод задуматься, почему он так поступил. И если Н.С. Розов допускает тот вариант, что можно сначала «продаться», завоевать доверие, а потом «подсунуть *свой* товар» или даже «повлиять на чужое производство» (он намекает на это в статье¹⁷), то стоит принять к сведению, что уже во времена д'Артаньяна понимали бесперспективность этого. Для Америки, да и для всего мира, идея «уникального национально-исторического опыта России для решения мировых проблем» – явная фикция. Россия собственных-то проблем никак решить не может, тех, которые

¹⁷ Розов Н.С. Общезначимые ценности и смысл истории // <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/>.

давно решены в других странах. У Америки свои цели, а другие страны решают свои нынешние проблемы сами и по-своему. Что значит – решать глобальные проблемы не в американском смысле? как их решение соотносить с решением проблем России? возможно ли решение вторых в результате решения первых? – вот это касается самоопределения российского гражданина как представителя России (хотя бы в собственном сознании).

Н.С. Розов может возразить, что д'Артаньян так и не сделал карьеры: поздно разбогател, использовав подвернувшийся случай задействовать, наконец, свой врожденный авантюризм; капитаном мушкетеров стал в пятьдесят лет, а маршалом – с день своей гибели на поле боя. Но я вижу за этим такое его самоопределение: быть на месте вовремя в нужный для истории момент, хотя бы для этого пришлось ждать всю жизнь. И на мой взгляд именно своим равнодушием к богатству, власти, престижу д'Артаньян так симпатичен русским людям. А чтобы получить славу, он просто жил и действовал, как мог, и ему хватало.

2. Человек = индивид. Что представляет из себя и какое место занимает «человек» в социологии? А в коллинзовской интеллектуальной сети? Что такое «социологическая философия», Н.С. Розов объясняет хорошо. А что такое «социологическая антропология»? Для ответа обратимся к его статье¹⁸, в которой автор, стремясь противодействовать разрушительной деконструктивистской тенденции в социологии, предлагает «эскизный контур методологических и онтологических оснований для желательной крупной метаморфозы социального и гуманитарного познания». При этом Н.С. Розов вовсе не мнит себя новым лидером этой науки; он прямо дает понять, что если эта его программа провалится, то это произойдет потому, что найдутся исследователи, которые разработают лучшую программу и добьются более значимых результатов (как это, например, произошло с Эрлангенской программой Гильберта). Таким образом, его «поражение» все равно пойдет на пользу социологической науке. И он разъясняет, что «номологическое исследование (анализ) означает изучение эмпирических явлений с целью их объяснения и/или предсказания на основе... универсальных или охватывающих законов...», а «предлагаемая стратегия *номологического синтеза* как путь интеллектуальной интеграции социального и гуманитарного познания состоит в систематическом и кумулятивном сопоставлении и объединении, согласно логическим схемам и стандартам, заданным К. Гемпелем и И. Лакатосом, наиболее достоверных теоретических результатов, относящихся к одному и тому же фрагменту социокультурной действительности». Это звучит внушительно, но еще большее впечатление производит перечисление основных и новейших достижений социологии; это: 8 постулатов микроуровня Мида-Коллинза об индивидах, 8 законов и 2 принципа (Цикуреля и Гардфинкеля) мезоуровня о группах и сообществах, 3 принципа макроуровня, 5 законов

¹⁸ См.: Розов Н.С. Номологический синтез теоретических знаний об истории и культуре (проект интеллектуальной стратегии) / anthropology.ru/ru/texts/rozov_ns/kagan_07.html.

геополитической динамики Коллинза, 6 эволюционных законов макроуровня, законы макродинамики Тернера, законы о динамических стратегиях Снукса. Это, действительно, похоже на универсальную социологическую модель для исследования любых социальных явлений. Видимо, если все эти законы и принципы применить разом к какому-то одному социальному явлению, то вся его природа, сущность, детали и прочие подробности будут выявлены досконально и исчерпывающе, и все станет ясно.

Следует отметить, что у Н.С. Розова есть некоторые основания возлагать надежды на идею «номологического синтеза»: у него есть прецедент попытки внедрения такового в социологическую практику. Речь идет о споре Б.Н. Миронова с С.А. Нефедовым и об отклике на него Н.С. Розова¹⁹. Он предложил взглянуть на этот спор не с эмпирической, а с теоретической, концептуальной позиции. Суть в том, чтобы две частные социологические модели, представленные двумя социологами-историками, подвести под более общую, более теоретичную социологическую модель, которую и предлагает Н.С. Розов, чтобы, по крайней мере, иметь основание для их объективного сравнения. В результате он приходит к тому же выводу, что и в других откликах на этот интересный спор, – что «позиция С.А. Нефедова представляется более теоретически обоснованной», хотя и «в аргументации Б.Н. Миронова есть своя правда». Польза же концептуального подхода, еще не очень развитого в теоретической социологии, в том, что с его помощью можно, хотя бы в общих чертах, выявлять те факторы, остающиеся без внимания или недооцениваемые в частных моделях, учет которых может, как минимум, снять противоречия этих частных моделей, а как максимум – задать основание новой, более общей модели, непротиворечиво объединяющей две прежние. И «чтобы выделить сложную взаимосвязь этих факторов и динамик, отличить закономерное от «случайно» сложившегося, необходимы не только и не столько новые источники и данные (неизбывный фетиш традиционной истории), сколько специальная концептуальная и теоретическая работа».

Эта идея выглядит вполне естественной и методологически многообещающей, когда речь идет о социальных явлениях, поддающихся количественным измерениям (хотя в Интернете не заметно благодарственных откликов от социологов на это предложение Н.С. Розова). Но что получается, когда ее распространяют на антропологию?

Вернемся к статье²⁰ и взглянем на сами постулаты Мида-Коллинза «*об основах мотивации индивидуального поведения и сущности межличностных конфликтов*: I. Каждый индивид конструирует свою собственную субъективную реальность. II. Индивидуальное познание конструируется из социальных коммуникаций. III. Индивиды существенно влияют (have power over) на

¹⁹ Розов Н. С. Отклик на полемику Б.Н. Миронова и С.А. Нефедова/clio-dynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=83&Itemid=

²⁰ См.: Розов Н.С. Номологический синтез теоретических знаний об истории и культуре (проект интеллектуальной стратегии)/ anthropology.ru/ru/texts/rozov_ns/kagan_07.html.

субъективную реальность друг друга (из I и II). IV. Каждый индивид пытается максимизировать свой субъективный статус до того уровня, который позволяет ресурсами, доступными для него и для тех, с кем он контактирует. V. *Каждый индивид высоко оценивает то, в чем он лучше всего преуспевает, и старается делать это и общаться по поводу этого как можно больше.* VI. *Каждый индивид ищет те социальные контакты, которые дают ему наибольший субъективный статус, избегает тех, в которых он получает наименьший статус* (из III, IV и V). VII. Там, где ресурсы индивидов различаются, в социальные контакты включается неравная сила оказания влияния на определение субъективной реальности. VIII. Ситуации, в которых используется такая неравная сила, и где нет возможности немедленного ухода (отступления), имплицитно включают конфликт», к которым естественно примыкает следующий закон мезоуровня: «XI. Человеческие существа являются животными, а человеческие социальные связи фундаментальным образом основаны на автоматически вызываемых эмоциональных ответах».

Кажется, комментарии излишни. Что может по этому поводу сказать философ социологу? Ничего. Но для молодых напрашиваются такие вопросы: 1. *Кому именно нужны и полезны знания такого рода о человеке; кто и для чего будет их использовать?* 2. Включает ли Н.С. Розов *себя и свою деятельность* в рамки этой концепции индивида (т.е. является ли эта концепция рефлексивной для него)? (Наводящие вопросы. К 1.: Для кого в обществе люди всегда были не более, чем скотиной (как тут не вспомнить базовую схему социологической концепции католической церкви: «овцы – пастыри – псы»; ее смысл – в защите всех от «волков»)? Ко 2.: Если Н.С. Розов не включает себя в рамки этой концепции, то кем он тогда оказывается? А если включает, то тогда кем?)

И снова моя память подсказывает мне литературный пример: Окуджава Б. «Мерси, или Похождения Шипова. Истинное происшествие. Старинный водевиль»/ lib.misto.kiev.ua/PROZA/OKUDZHAWA/shipov.txt.

Как жандармский полковник Муратов реорганизовал отдел сыска, обнаружив, что в нем работают совершенно случайные люди: «Нет, подумал тогда Николай Серафимович, это ужасно и этого не должно быть. И начал посещать лекции по элементарной психологии и римскому праву в Петербургском университете. Человеком правит злость и зависть, гнев, и презрение, и страх. Их нужно приструнить, приспособить, дать им направление, тогда они принесут пользу. Деньги – это слишком мало. Человек должен жить, зная, что он на виду, что положение его безвыходно, что единственное спасение для него – это он, полковник Муратов, круглолицый и розовогубый. И вот тогда все свойства души этого несчастного, все его струночки зазвенят ради одного, что определил ему Николай Серафимович. Так размышлял он, совершенствуясь в мастерстве, разрабатывая свои теории, и спустя уже год ликвидировал два нелегальных пропагандистских кружка с помощью новых своих сотрудников, обработанных по новой методе... Старания его заметили, но с легкой руки некоего знатного завистника

он был объявлен чудаком и даже психом... и был переведен в Тулу. Неудача не обескуражила его, даже наоборот. Вдали от высокопоставленных невежд ему легче было проверить свои открытия и было много простора для фантазии... Он делал свое историческое дело, и на круглом, гладком его лице царило мудрое спокойствие человека, уверенного в собственной правоте. Дух захватывало от картин, раскрывающихся перед ним, и ощущение полета сопровождало его, и легкость в крылах была великолепна».

3. Человек = трансцензус. Каков нормальный масштаб человеческого мировоззрения? Несколько лет назад Н.С. Розов обратил внимание на небольшую работу А.Н. Чанышева и не мог ее не прокомментировать²¹. Чем-то она его зацепила, настолько существенным, что его позиция раздвоилась: с одной стороны – глубокое уважение к А.Н. Чанышеву, своему учителю и хорошему человеку (Н.С. Розов сетует на свой слишком резкий тон), а с другой – некая установка, порождающая всеохватывающую ее критику. В конце концов, «для настоящего философа, каким, безусловно, был Арсений Николаевич, критические баталии, текстологические казусы и живые страсти вокруг оставленного наследия — лучшая посмертная награда». Что это – принцип или просто желание показать себя («ради красного словца не пожалеет и отца»)? Если читать только одну эту статью, то может и так показаться. Но в свете всего им написанного – это далеко не так.

Отдавая должное философскому качеству «Трактата», Н.С. Розов отмечает, что анализировать его можно в двух направлениях – интертекстуальном, т.е. рассматривать его связи с аналогичными текстами, и интратекстуальном, «который состоит в детальном анализе самих тезисов и аргументов «Трактата». Последнее означает, что (в отличие от других рецензентов, критиковавших «Трактат» с философских позиций, как, например, Кутырев В.А., Разинов Ю.А., и защищавших его с тех же позиций, как, например, Селиванов А.И. и Солодухо Н.М.), Н.С. Розов собирается это делать со своей собственной позиции, на которой он стоит и не может иначе. Анализировать текст Н.С. Розова текстуально не имеет смысла: он говорит сам за себя. Но что представляет из себя его позиция?

Ее, в данном случае, можно охарактеризовать следующим образом: цель, во-первых, доказать, что небытие не может обладать атрибутом существования (это нетрудно сделать, исходя из того, что подлинным существованием обладает только настоящее – воспринимаемое, указуемое, познаваемое и т.д.; вообще, отрицание есть лишь оператор перехода от одной формы бытия к другой, например, от одной коровы к другой; если «коровы вообще» не бывает, то тем более не бывает того, что обозначается термином «не-корова» (хотя термины «корова» и «не-корова» логически однопорядковы; древний индеец Дигнага был не так глуп, как полагает Н.С. Розов); цель, во-вторых, доказать, что

²¹ См.: Чанышев А.Н. Трактат о небытии/Вопросы философии, 1990, № 10 (psylib.org.ua/books/_chana01.htm); Розов Н.С. Философия небытия: новый подъем метафизики или старый тупик мышления?/ hpsy.ru/link/400.

небытие не может быть обосновано и не может быть основанием (причиной) чего либо; цель, в-третьих, доказать, что небытие, неподвижное по своей сути, не может быть движущей силой: движение порождается только движением; цель, в-четвертых, доказать, что подлинным бытием обладает только род, а не отдельный индивид; утверждение обратного может подтолкнуть несчастного индивида к самоубийству, а вот у рода гораздо больше возможностей для выживания; цель, в-пятых, доказать, что смерть не так уж страшна, а вот тот, кто пугается ее до ужаса – псих, подающий дурной пример другим, а тот, кто утверждает неизбежность этого ужаса – враг рода человеческого (на самом деле ужасы порождает жизнь, а не смерть, которой умерший человек ни чувствовать, ни сознавать не может); на самом деле «реалистичное и трезвое сознание бытия вполне может быть трагичным... А что собственно дурного в трагичности сознания?» Настоящий человек тот, кто мужественно преодолевает ужас смерти и небытия, лучше всего в духе «оптимистической трагедии».

Н.С. Розов соглашается с А.Н. Чанышевым, у которого написано: «26. Знать, что все проходит, и в то же время не впадать в ужас — вот чему учит подлинная философия, «философия небытия». Но не согласен он с ним в том, для такого вывода совсем незачем было вообще начинать с ужаса и пугать читателя почем зря. Ведь сама «человеческая душа не может долго уживаться с ужасом». Врожденная психическая защита избавляет человека от него. Лучше уж сразу начинать с сути. Поэтому «Трактат», по Н.С. Розову, включает в себя только «достаточно известные риторические ходы, софистические приемы и психологические механизмы» и свидетельствует только о «затянувшемся на десятилетия провальном периоде развития мировой и отечественной философии».

Но чего же хочет сам Н.С. Розов? Об этом он пишет прямо: нужна новая, оптимистическая, позитивная, жизнеутверждающая, крупномасштабная (глобальная) онтология, этика и аксиология, в которых смерть и небытие не будут иметь никакой ценности и не будут пугать народ, наталкивая на бессмысленные умствования, и отвлекать от жизненных задач. Чем думать о небытии, не лучше ли задуматься над оптимальными средствами разрешения конфликтов? В самом деле.

Приговор «Трактату» и его автору выглядит так: «В конце анализа «Трактата о небытии» корень представленной метафизики был усмотрен в *авторской психологии*, а стержень психологического механизма — в *трансформации страха смерти в ужас перед всеобщей гибельностью, который сублимируется в восторг и преклонение перед небытием*. Безусловной и вовсе не узко индивидуальной реальностью является здесь страх и ужас. При переводе из личной психологической проблемы в общекультурный план эта реальность ужаса воплощается в трагическом осознании конечности и гибельности всего сущего, которое противоречит бесконечным и абсолютным претензиям человеческого сознания и культуры. Сам А.Н. Чанышев достаточно четко выразил этот момент в

«Трактате», но лишь для того, чтобы его преодолеть и отменить» (курсив мой. – А.С.). Все ясно: обуянный страхом смерти философ А.Н. Чанышев трансформирует его в онтологический ужас, т.е. совершенно неоправданно переводит его из плана «личной психологической проблемы» в «общекультурный план» и только потом говорит, что его нужно преодолевать. Нелогично. Наверное, гораздо лучше подавлять этот страх в зародыше, а еще лучше – не допускать его в свое сознание совсем. Тогда он не будет мешать человеку счастливо жить и работать.

Далее, как бы опомнившись, осознав, что он зашел слишком далеко, Н.С. Розов бросает на чашку весов с заслугами А.Н. Чанышева тот аргумент, что любая, даже самая завиральная концепция, даже самая неразрешимая проблема дает ту пользу, что, опровергая ее, добывается новое, истинное знание. Какое – это должен сказать сам читатель: «Так что же это за проблема? — вправе спросить читатель. Здесь моя задача состоит лишь в том, чтобы наметить ориентиры перспективного философского мышления, к которым сподвигает подмеченное в «Трактате» реальное бытийное противоречие. Есть что искать, есть куда двигаться. Пути открыты, направление намечено, разве этого мало?» Да, немало.

И завершается статья самобичеванием: «Завершить статью хочу, отступив от академического тона. Далее следует искренняя личная самокритика и небольшое заклинание (чтобы не выпасть из славного хора философов). Говорю себе снова и снова: отличный же трактат! В кои-то веки мой современник сумел измыслить такой удалой текст, грамотно порубить в капусту всю предшествующую философию, сказать новое и живое слово в метафизике. А я, вместо того, чтобы поддержать почтенного коллегу, более того, живого классика, книги которого читал еще в студенчестве, опять бросился в критиканство. Пусть бы еще получилась уважительная, размеренная критика, но *зачем же столько насмешек и ехидства? Зачем этот издевательский психологический анализ?* Почему нельзя было помягче, повежливее, попримичнее, в конце концов? *Откуда такая жажда отрицания и разрушения?* Не иначе как вездесущее небытие попутало, будь оно трижды неладно» (курсив мой. – А.С.). Да, не иначе.

Но можно еще дать то объяснение выделенных курсивом авторских вопросов к самому себе, что мировоззрение Н.С. Розова, описанное выше, будучи целостным и системным, распространяет свои идеологические принципы и на онтологию. Ведь ему, как идеологу (как бы он себя еще ни называл) нужен *человек рынка*, способный продавать все, что угодно, и продаваться; *человек-животное*, неспособный самостоятельно оценивать себя, живущий рефлексами, без самосознания. Ему не нужен *трансцендирующий человек*; такой для него, скорее, вреден. Поэтому-то он и выступает резко против столь естественного фактора, пробуждающего самосознание у любого человека, как собственная смерть. Похоже, что он сам ничуть не боится смерти, и его возмущает, когда кто-то упоминает о ней, тем более – возвышает ее до небытия. Это вызывает

уважение. Остается надеяться, что он сохранит это свое представление до самой своей смерти, и порадоваться за него. Но удастся ли ему убедить в своем оптимизме других? Ведь он далеко не первый в этом желании за всю историю человечества. Правда, ее можно переписать (по методике Коллинза), вычеркнув все негативное. Тогда можно будет воспитывать человечество только на позитивном. И начнется, наконец, новая история. Вот только кто будет умирать?

Вывод. С одной стороны, хочется пожелать Н.С. Розову успехов: ведь он затеял дело на столетия. С другой стороны, наличие неразрешимых проблем, как и попытки их разрешения – вечное состояние человека. Каждое новое поколение, не знавшее войны, голода, бездомья (т.е. ничего не знающее об их неразрешимости), задорно бросается их решать (и конечно, не решает, тем самым, воспроизводя их в культуре). Счастлив человек, если он думает, что уже разрешил (всегда разрешает) важные проблемы. Но что о нем будут думать другие? Можно, конечно, не обращать внимания на непонимающих (что и делает Н.С. Розов), и надеяться на здоровую, перспективную, полную сил молодежь, не думающую ни о своей, ни о чужой смерти. Но и это не новая стратегия. Сохранит ли эта молодежь до старости то неуважение к смерти (хотя бы своей), которое ей пропагандирует Н.С. Розов? Это надо еще посмотреть. Хотелось бы надеяться, что нет.

P.S. Я хорошо понимаю, что этот комментарий, своим объемом свидетельствующий о моем искреннем интересе к Н.С. Розову, больше работает на пропаганду его идей, чем на их ниспровержение: негативный пиар – все равно пиар; таким образом, она отвечает его желанию получить ответ на его вызов, способствующий расширению обсуждения поднимаемых им проблем, и я рад, что смог как-то это желание исполнить.